

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Борис
Садовской
Морозные узоры

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПИСЬМА

Борис Александрович Садовской
Т. В. Анчугова
Морозные узоры.
Стихотворения и письма
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964847

Морозные узоры. Стихотворения и письма: Водолей; Москва; 2010

ISBN 978-5-91763-027-4

Аннотация

Борис Садовской (1881–1952) – заметная фигура в истории литературы Серебряного века. До революции у него вышло 12 книг – поэзии, прозы, критических и полемических статей, исследовательских работ о русских поэтах. После 20-х годов писательская судьба покрыта завесой. От расправы его уберегло полное забвение: никто не подозревал о том, что он жив.

Настоящее издание включает в себя более 400 стихотворений, публикуются неизданные и несобранные стихи из частных архивов и дореволюционной периодики. Большой интерес представляют страницы биографии Садовского, впервые воссозданные на материале архива О.Г.Шереметевой.

Содержание

Из семи книг	7
Позднее утро (1904–1908)	7
Ястреб	7
«Бежим! Едва в лазури пенной...»	8
Весенний дождь	9
1. «Дымно-пепельные хлопья, серо-мглистые...»	9
2. «В эту весеннюю темную ночь мне не спится...»	10
«В сумерки весенние я бродил полями...»	10
«Поздний жук, прожужжав, утонул в фиолетовой дали...»	11
Полночь	12
Агасфер в пустыне	13
Штора	15
Одиночество	16
Сумасшедший	17
Военной музыке	18
«Сад весенний...»	19
Перед памятником Державина	20
Хризантемы	21
«Я обречен судьбою на мученья...»	22
Звёздам	22

Покой	23
Пятьдесят лебедей 1909-1911	25
«Не жди: не для тебя прольются звуки...»	25
«На тихих тучах отблеск розоватый...»	26
Заклинатель стихий	26
«Вот забредила лунная мгла...»	30
Облакам	30
«Рдяный теплый пар...»	31
«Вина, вина! Пусть жизнь горит в разгуле!»	33
«Спокойный лес дремал. Прозрачные верхушки...»	33
Виолончель	34
Экспромт	35
Июнь	36
«Вновь весной заиграли леса...»	37
Моя душа	37
«Справа лес, седой и дикий...»	38
Из книги «Косые лучи»	40
Любовь	40
I	40
II	43
Самовар. Стихи 1913 г	47
Издателю А. М. Кожебаткину	47
Предисловие	48
«Страшно жить без самовара...»	49
Родительский самовар	50

Студенческий самовар	51
Самовар в Москве	52
Самовар в Петербурге	53
В санатории	54
Умной женщине	56
Монастырские мечты	57
Новогодний самовар	59
Разочарование	60
Полдень 1905-1914	62
Природа	62
На мельнице	62
«Эта тишь, этот ясный закат...»	64
Сова	65
«Печальная сова...»	65
Сове	66
«На заре охотник, опьянен лугами...»	68
На рассвете	68
«Запестрели морем точки...»	69
Июньский закат	70
Идиллия	72
Июль	73
Бабочка	74
Лопух	75
Август	76
Дуб	77
Полет сокола	78

Луне	79
Море	80
«Над крутизной нависли глыбы...»	80
Морское купанье	82
Любовь лебеда	82
Любовь	85
«В лугах, при колокольном звоне...»	85
«Месяц замер одиноко...	86
«Смотрю и слушаю вокруг...»	87
«Яблонь белых, белых вишен...»	88
Свидание	90
Письмо	91
Заря	92
«Царица желтых роз и золотистых пчел...»	93
«Люблю следить твой шарф волнистый...»	93
«Всё не могу забыть твой взгляд...»	94
«Тебя я встретил в блеске бала...»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Борис
Александрович Садовской
Морозные узоры.
Стихотворения и письма**

*Издательство выражает искреннюю
благодарность Российскому государственному
архиву литературы и искусства за всестороннюю
помощь в подготовке книги*

Из семи книг

Позднее утро (1904–1908)

Ястреб

В палящий зной, над полем спящим,
Свободен, смел и одинок,
Парю я в воздухе горящем,
В пушистый сжавшийся комок.

Парю свободно, без усилия.
Немееет полдень. Поле спит.
Поджаты когти, веют крылья,
Горячий клюв полураскрыт.

Порой, в избытке опьянения,
Поникнув хищной головой,
Я криком острым на мгновенье
Прорежу утомленный зной.

И снова тишь и полдень жгучий
В одну сливаются мечту.
Парю я, гордый и могучий,
Ловя мгновенья на лету.

<1904> 22 марта, Москва

«Бежим! Едва в лазури пенной...»

Бежим! Едва в лазури пенной
Крылом встрепещут паруса,
В себе слышим мы мгновенно
Иных восторгов голоса.

Под ропот волн, победно-дружный,
Исчезнет жизненный обман
И в пряном блеске ночи южной

Предстанет нам великий Пан.

На мачтах, на корме, на трапах
Задышат негой массы роз,
И будет волн соленый запах
Играть волной твоих волос.

Бежим, пока в душе есть грезы
И юность длится майским сном, —
Всё песни, песни, розы, розы
И даль безбрежная кругом.

<1904> 6 апреля, Москва

Весенний дождь

1. «Дымно-пепельные хлопья, серо-мглистые...»

Дымно-пепельные хлопья, серо-мглистые,
Гонят с неба в землю копыя серебристые.
Копья белые впиваются в прах с отвагой.
От ударов рассыпаются мутной влагой.

2. «В эту весеннюю темную ночь мне не спится...»

В эту весеннюю темную ночь мне не спится.
Тихо на улицу я выхожу. Ветер ласково дует.
Небо, задумчиво-черное, кротко слезится,
Капли холодные нежно лицо мне целуют.

Молодость, ночь и весна. Древний город в покое,
Только порою послышится грохот пролетки усталой.
Сторож пройдет под воротами с верной доскою.
Да на бульваре далёко мелькнет силуэт запоздалый.

<1904> 29 апреля – 3 мая, Москва

«В сумерки весенние я бродил полями...»

В сумерки весенние я бродил полями,
Прозревал Грядущее скорбными мечтами.

А за мною Прошлое, полное значенья,
Восставало призраком, ждавшим примиренья.

Развивалась свитками летопись живая,

И стонало Прошлое, жалобно кивая.

Шел я перелесками, грустный, одинокий,
Над застывшей речкою прошуршал осокой.

Песня заунывная плакалась полями.
Тихо совы реяли мягкими крылами.

Ландыши увядшие уронили слезы.
На закате вспыхнули, запылали грезы, —

Тени исполинские, призраки столетий,
Полные загадками при вечернем свете.

Месяц выплыл медленно, вечный и знакомый,
Перелески сонные опьянил истомой.

Встал я в ожидании, уронивши руки.
Ждет меня Грядущее. Ждет тоска и муки.

<1904> 7 июня, Щербинка

«Поздний жук, прожужжав, утонул в фиолетовой дали...»

Поздний жук, прожужжав, утонул в фиолетовой дали,
Потемнели заката багряного легкие краски,

Золотистые призраки робко в полях замелькали,
И смеются, и манят, и шепчут чудесные сказки.

Он проходит, мой май, унося беззаботное счастье,
Но меня не пугает судьбы роковая загадка,
Ни угрозы зимы, ни осеннее жизни ненастье:
Опьяняться последней весною томительно-сладко.

Я, как тот соловей, что звенит над оврагом с мольбою,
Жить хочу, чтобы петь без конца о любви бесконечной,
Я хочу ликовать, я хочу быть любимым тобою,
Быть твоим навсегда, говорить о любви тебе вечно.

Я мечтал о тебе. Золотые виденья мелькали,
И манили, и звали, и пели чудесные сказки.
Голубая звезда замерцала в синеющей дали.
На свинцовом закате погасли лиловые краски.

<1904> 9 июня, Щербинка

Полночь

Заветный час под яркостью луны
В сапфирной мгле седой июльской ночи.
В аллеях парка – вздохи, бред и сны.
В аллеях парка – царство полуночи.
И в голубой, невыразимый час
Меня луна зовет улыбкой глаз.

О ясный час, когда душа светла,
Когда равны мгновения и годы!
Спит озеро. В прозрачности стекла
Чернеются крутых балконов своды.
Застыли воды, ясен небосвод.
И всё луна меня зовет, зовет...

Иду домой. Сверчков чуть слышны скрипы.
Недвижен парк в сиянье голубом.
Все в лунных снах, безмолвно грезят липы.
Задумался о прошлом старый дом.
Нетопыри скользят по белым стенам.
Как ночь тиха! Как сладко пахнет сеном!

<1904> 13 июля, Серноводск Самарской губ.

Агасфер в пустыне

Всё бесконечностью томят меня кошмары.
Они однообразны. Всплески вод,
В свинцовых облаках громов удары,
Неотразимый небосвод.
Лазурной чашей небеса нависли,
Иду, закрыв глаза. Обманчивая тьма!
Под ней клубясь, кипят всё те же, те же мысли,
Всё те же призраки отжившего ума.
Бессилен этот ум расширить круг видений,

В нём грезы древние роятся сотни лет.
В толпе проходит смена поколений,
А для меня и смены мыслям нет.

Когда-то были дни тревоги и исканий.
Как молодо кипел и бился их родник!
Я жадно собирал в уме обрывки знаний,
Я передумал миллионы книг.
Но выветренный мозг иссохнул незаметно
И, утомясь, навек воспринял пустоту.
Наскучили мне сны души моей бесцветной,
До дна исчерпавшей мечту.
Всё улеглось давно, и всё перекипело.
Смирясь, иду вперед. Знакомые пути
Завидели мое изношенное тело...
О, сколько мне еще идти!
Проклятый круг земли! Мне всё в тебе знакомо,
И тайны полюсов, и гул народных масс;
В любом углу земли я буду вечно дома,
В любом углу земли я был десятки раз.

Одно лишь место есть, одно... Туда не смею
Я близко подойти, туда боюсь взглянуть,
Едва приблизившись, немею:
Оттуда, с той горы я начал путь.
Там из кровавых уст раздался скорбный голос.
В те дни я был велик, а Он так слаб.
С смиреньем Божества медь Разума боролась.
Но взял Он смерть мою, и вот – я раб.

За долгие века несет мученья
Мой одинокий дух. Но гордому врагу
Не победить его. О, мщенья, мщенья!
Ведь я еще отмстить Тебе могу!
Отдай мне смерть, разбей на мне оковы, —
Тогда борись со мной!..
Угрозы и мольбы
Стихают. Небеса прекрасны и суровы.
Свобода – далеко. Кругом – рабы.

<1904> 24 сентября, Москва

Штора

Каминных отблесков узор
На ткани пестрой шторы,
Часов бесстрастный разговор,
Знакомых стен узоры.
Поет и дышит самовар.
На полках дремлют книги.
За шторой – стынет зимний пар.
Часы считают миги.

Часы бегут, часы зовут,
Твердят о бесконечном.
Шум самовара, бег минут,
В мечтах тоска о вечном.
За шторой – льдистых стекол мрак.

В туманной мгле мороза
Полозьев скрипы, лай собак,
Кряхтение водовоза.

Откинуть штору или нет?
Взглянуть или не надо?
Там шорох мчащихся планет,
Там звезд лазурных стадо.
Нет, не хочу. Пусть у меня
Знакомые узоры
Рисуют отблески огня
На ткани пестрой шторы.

<1904> 22 ноября, Москва

Одиночество

Лишь одиночество мне свято.
В нем мой кумир и божество,
И ласкам женщин, дружбе брата
Я предпочту его, его.

Нисходят редкие минуты,
Когда, земное разлюбя,
Себе равны, в себе замкнуты,
Мы познаем самих себя.

Тогда, провидцы жизни новой,

Постигнув звезд предвечный бег,
Мы видим Свет, мы слышим
Слово, Нам чужд и странен человек.

Зато как радостно-желанно
Вдали от шумных городов
Мечтать спокойно, грезить странно,
Вверяться тайнам облаков!

Да, одиночество – святыня,
В нем неземная красота.
Прими меня, моя пустыня,
Моя последняя мечта!

<1904> 5 декабря, Москва

Сумасшедший

Ничто не нужно мне теперь.
Я полон медленным покоем.
Из дальних дебрей сонный зверь
Меня встречает братским воем.

Оскалит месяц желтый рот.
Смеются призраки в пустыне.
Брожу по кочкам, меж болот,
Ничем не связанный отныне.

О, смейтесь, смейтесь надо мной!
Всё, чем живу я, только сказки.
То месяц, скучный и пустой,
Передо мной танцует в маске!

Но равнодушен я к нему.
Мне в этом небе всё знакомо.
Я слишком долго видел тьму,
Ах, скоро ль, скоро ль буду дома!

<1905> 2 августа, Щербинка

Военной музыке

Гремящий бог победных маршей,
Люблю твой царственный привет.
Я, становясь с годами старше,
Давно привык к угрозам лет.

Не страшны мне тоска и старость,
Когда я слышу за собой
Литавр грохочущую ярость
И тяжких труб победный вой.

В них вдохновенные тревоги
Зовут свершить и умереть,
Как будто солнечные боги
Вселились в блещущую медь.

О, голос меди благородной,
Ты, пышно-царственный привет!
Внимая твой призыв свободный,
Я не боюсь тяжелых лет.

<1905> 2 сентября, Москва

«Сад весенний...»

Сад весенний непогода
Облегла свинцовой тучей.
Синий купол небосвода
Пронизал зигзаг горючий.

Всё тревожней кличут птицы,
Но упрямо на угрозы
Белоогненной зарницы
Туча сдерживает слезы.

Тщетны гордые усилья:
Вот посыплют слезы градом,
И Весна, простерши крылья,
Разрыдается над садом.

<1906> 10 апреля, Нижний Новгород

Перед памятником Державина

Темнеет статуя поэта
Передо мной в вечерней мгле.
Рука задумчиво воздета,
Почила дума на челе.

В железных складках строгой тоги
Спокойный чудится напев.
И с трех сторон гранита боги
Венчают медный барельеф.

Но в одеянье чуждом этом
Невольный смысл сокрыт для нас:
Поэт лишь в песнях был поэтом,
Меняя форум на Парнас.

Он предпочел, усердьем славен,
Прослыть Фемидиным жрецом.
Лишь пред Фелицею Державин,
Как перед Клио, – был певцом.

И с мудрым именем царицы
Нам гимны пышные близки.
Так летописные страницы
Увядших лавр хранят листки.

<1906> 1 июля, Казань

Хризантемы

<Посв. О. Г. Чубаровой>

Плед на ногах, на окнах – лед.
Соленый ветер шторму бьет.
Ты здесь со мной, но где мы, где мы?
Я слышу море за стеной.
Весна и ты. Ты здесь, со мной,
Ты принесла мне хризантемы.

Но я поверить не могу,
Что я стою на берегу,
Куда летим неслышно все мы,
Что растворяюсь я сейчас
В молящем взоре милых глаз,
В дыханье чистой хризантемы.

Я свой предчувствую полет.
Мой дух весну и море пьет,
А грудь и взоры – странно немы.
Я – полуветер, полусон,
Я – жив, я счастлив, я влюблен,
Я – вечный запах хризантемы.

24 августа 1907, Нижний Новгород

«Я обречен судьбою на мученья...»

Я обречен судьбою на мученья.
Я в жизненный попал водоворот.
Несусь не сам, – влечет меня течение
Неумолимых, беспощадных вод.

Пустой челнок, отдавшийся бурунам,
Я острых скал предчувствую удар.
О, если б рок сразил меня перуном —
Мне б сладок был мгновенной смерти дар!

Тогда бы я, крутясь в волнах бесстрастных,
В единый миг погибнул, как пловец,
Не долетев до этих скал ужасных,
Сулящих мне мучительный конец.

<1908> 6 февраля, Нижний Новгород

Звёздам

Уж к ночлегу птицы
Крыльями прохлопали.
Дремлют клумб кошницы,
Спят листы на тополе.

Замерли фонтана
Струи серебристые.
Сладок вздох тумана...
Звезды, звезды чистые!

Думы ли напрасные,
Горе ли жестокое, —
К вам стремлю, прекрасные,
Сердце одинокое.
В вас мое спасение,
Призраки лучистые.
Шлете вы забвение,
Звезды, звезды чистые!

<1908> 26 мая, Пятигорск

Покой

Ты бог отныне мой – покой невозмутимый!
Бреду к тебе, склонясь над нищенской клюкой.
Я отдохнуть хочу один, никем не зримый,
В твоей обители, божественный покой.

Я бурным морем плыл – и, брошенный на рифы,
Под ветром и дождем метался на песке,
И с криком надо мной кружились хищно грифы,
И клял я прошлое в томленье и тоске.

Но я воззвал к тебе средь грозной непогоды —
И ты меня промчал спокойною рекой
Туда, где дышит лавр и голубеют воды
В твоей обители, божественный покой.

Нет страсти, нет борьбы. Уже в кипенье бурном
Не унесет меня людской водоворот.
Нет грифов яростных, – над озером лазурным
Так ясен лебедей блистающий полет.

Да, здесь я отдохну. Любовь, мечты, отвага, —
Вы все отравлены бореньем и тоской,
И только ты мое единственной благо,
О всеобъемлющий божественный покой!

<1908> 24 июля, Ореанда

Пятьдесят лебедей 1909-1911

«Не жди: не для тебя прольются звуки...»

Не жди: не для тебя прольются звуки,
Промчатся ласточки и запоют ручьи.
Ты вечером в жару бессильно сложишь руки,
А к утру кончатся страдания твои.

Но в ночь прощальную, встречая месяц острый,
Рога вонзивший в чернь, холодный, как алмаз,
Ты вспомнишь ли свой юг и парк багряно-пестрый,
Где осень ранняя свела на горе вас?

Он там бродил один, надменно-величавый,
С раскрытой книгою садясь под пышный дуб,
Когда пылал закат зловещий и кровавый,
Так схожий с яркостью твоих горящих губ.

Вскипали заросли. Магнолии дышали.
Был воздух упоен восторгом и тоской.
Всё та же тишина, всё те ж седые дали
И тот же шепчущий, немолчный зов морской!

<1909> 22 января, Москва

«На тихих тучах отблеск розоватый...»

На тихих тучах отблеск розоватый.
Яснеют крыши, дождиком обмыты.
Над ними облака бегут, измяты,
Разорваны, как хлопья серой ваты.
По мостовой звучней стучат копыты.
Люблю я вас, весенние закаты!

Люблю утихший вздох толпы вечерней.
Когда весною улицы объаты,
Когда шаги спокойней и размерней,
А колокол тоскует о вечерне.
Люблю я вас, весенние закаты
С холодным блеском на холодной черни!

<1909> 5 апреля, Москва

Заклинатель стихий

Вячеславу Иванову

Царь юный над добром и злом,
К последнему готовый бою,

Он знамя взвил, блеснул жезлом,
Воззвал победною трубою,
И, вняв гремящей меди стон,
Как окрылатевшие змии,
Четыре вечные стихии
Восстали с четырех сторон.

Взрыдал тяжелый вздох Земли,
Повитой сумраком и страхом:
Мир претворен в земной пыли,
Народов сонмы зрятя прахом.
В могильном мраке Смерти сны,
И вся Земля – одна могила.
В гробницах тлеет мысли сила,
Творцы Земле обречены.

С познанием светлым на челе
Мудрец вознес с могилы розу.
Безмолвный дал ответ Земле
На черную ее угрозу.
В могильном мраке Смерти сны,
Но вздохи роз – гробов дыханье.
Могилы шлют благоуханье.
Бессмертен вечный пир весны.

Вструилась Временем Вода.
Забвенье дышит в пенном гуле.
Летит и мчится мир. Куда?
Куда века веков минули?

Преходит всё. Былого нет.
Грядущего всесильна сила.
Бессмертных Время победило,
Сулят забвенью волны лет.

О Время! рек ему мудрец:
Твое иное назначенье.
Ты не начало, не конец,
Ты только вечное течение.
Меня тебе не унести.
Вращаясь в круге бесконечном,
Ты вновь меня теченьем встречным
Помчишь по старому пути.

Но Воздух взвился с блеском крыл:
О мудрый юноша! Я – Вечность.
Досель никто не воспарил
В мою сверкающую млечность.
Храню я вечно образ свой,
И не сметут меня вовеки
Ни Времени глухие реки,
Ни Смерти остов роковой.

Непостижимому в ответ
Спокойно мудрость провещала:
Тебе уничтоженья нет
И не было тебе начала.
Ты смертных чувств моих обман.
Возникший вечной пеленою,

Ты перед тайной неземною
Скользящий призраком туман.

Тогда, шумя, восстал Огонь
В лице жены золотокудрой,
И, как стрелой пронзенный конь,
Воспрянул юноша премудрый.
Зовет Огонь забыть и пасть,
Сжигает яркими очами
И буйно-пьяными речами
Взвевает пламенную Страсть.

И предал юноша-мудрец
Огню трубу, и жезл, и знамя
И, ослепленный Страстью жрец,
Метнулся в яростное пламя.
И се – четверогласный клик
Миры потряс. Как Вихорь дики,
Взывали огненные лики:
Велик, Велик, Велик, Велик!

Всё победил ты, человек,
И Смерти страшную конечность,
И Времени свистящий бег,
И грозный призрак Бога – Вечность.
В одном твоя бессильна власть,
В одном ты раб перед судьбою,
Когда зовешь своей рабою
Испепеляющую Страсть.

<1909> 16 апреля, Москва

«Вот забредила лунная мгла...»

Вот забредила лунная мгла,
Полосами по стенам бежит,
В занавесках кисейных дрожит,
В голубые глядит зеркала.

Промелькнула ко мне на постель.
На подушках сияньем лежит,
Светоносные сны сторожит,
Сыплет лунный лазоревый хмель.

Зажигая звезду за звездой,
Полночь белые пятна кружит,
Замирает, зовет, ворожит,
Сеет искры в лазури седой.

<1909> 16 апреля, Москва

Облакам

Измучен бегством и борьбою,
Поднявши взор, издалека

В лазури чистой над собою
Я увидал вас, облака.

Плывет торжественно и ровно
Небесных крыльев караван,
Их перья белые любовно
Воздушный движет океан.

Благодающие их взгляды —
Лазурные порывы в твердь.
Привет вам, белые громады,
Текущие сквозь жизнь и смерть!

Я, каторжник, в цепях, с лопатой,
Поникнувший во тьме немой,
Почуял ваш призыв крылатый
Над земляной моей тюрьмой.

Я бегством кончил спор с судьбою.
Прорвавшись к морю из болот,
Стою и слышу над собою
Ваш вольный, ваш спокойный лёт.

<1909> 1 октября, Щербинка

«Рдяный теплый пар...»

Рдяный теплый пар

Море затуманил.
Море обомлело.
Море тяжело.
Нежный слабый жар
Истомил мне тело,
Душу одурманил,
Но в душе светло.

Я опять один
В этой жизни шумной,
Никому не ведом
И чужой всему.
Прежний паладин,
Рвусь к былым победам.
Жить мечтой безумной
Сладко одному.

Жизнь сомкнула круг.
Я во власти сказки.
Дни мои, как струи,
Счастьем плещут вновь.
Ты со мной, мой друг:
Нежны наши ласки,
Святы поцелуи
И чиста любовь.

<1910> 28 марта, Одесса

«Вина, вина! Пусть жизнь горит в разгуле!»

Вина, вина! Пусть жизнь горит в разгуле!
Завыли скрипки. В их визгливом гуле
Знакомый крик над пропастью ночной,
Как старый ворон, вьется надо мной.

Вина, вина! Пусть тонет мир в бокале!
Я жду опять, чтоб скрипки зарыдали.
Хотел бы сам рыдать, но не пойму,
Кого молить и плакаться кому.

Вина, вина! Пусть дни мои минули,
Пусть вещий крик растет в безумном гуле:
Того, кто спит под гробовой доской,
Не разбудить ни смехом, ни тоской.

<1910> 2 апреля, Одесса

«Спокойный лес дремал. Прозрачные верхушки...»

Спокойный лес дремал. Прозрачные верхушки
Дышали пламенем закатных облаков.

Под треск кузнечиков мы молча шли к опушке.
В блаженстве я тебе признаться был готов.

Но дуновением то теплым, то холодным
Меня остановил вечерний ветерок,
И долго я следил за облаком, свободным
И от земной любви, и от земных тревог.

Твой изумленный взор летел за мной пугливо,
И женскою душой не понимала ты,
Какой восторг дрожал в моей груди, счастливой
Одним предчувствием нездешней красоты.

<1910> 3 июля, Ройка

Виолончель

Мелодия виолончели,
Как сладок твой поющий мед.
Ты зыблешь легкие качели
Над тишиной вечерних вод.
В них вижу я, молясь напеву,
Как голосу души живой,
Ее, задумчивую деву,
Овеянную синевой.

Какой торжественной печали
Исполнена виолончель!

В протяжном стоне зазвучали
Размахи веющих качель.
Струятся струны дымом синим
И сквозь лазоревую мглу
Кадилами к ночным пустыням
Возносят сладкую хвалу.

Мелодия виолончели!
Тоскует в ней любовь моя.
Летают тихие качели.
Темнеет синяя струя.
Молюсь вечернему напеву
И вижу строгий облик твой:
Тебя, задумчивую деву,
Овеянную синевой.

<1910> 2 октября, Москва

Экспромт

Он в пудренном волнистом парике.
Рука играет лепестками розы.
В предчувствии последней светлой грезы
Губами он приник к ее руке.

Она стоит в воздушно-белом платье.
Какая скорбь во взоре голубом!
Из рук скользит серебряный альбом,

И вот сомкнулись легкие объятья.

Миг отзвучал, но им чего-то жаль.

У милых уст печально блекнет роза.

Вдали гудит народная угроза,

И смертный час предчувствует Версаль.

<1910> 24 ноября, Москва

Июнь

М. А. Садовской

Даль небес, светлей сапфира,

С бледным пурпуром слилась;

Розоватая порфира

На закате развилась.

Серебристой полосой

Голубой залив сверкнул.

За синеющей косою

Парохода дальний гул.

Комары звенят и тянут.

Промелькнул над рожью лунь.

Снова я тобой обманут,

Ласковый ты мой июнь!

<1911> 11 июня, Щербинка

«Вновь весной заиграли леса...»

Вновь весной заиграли леса,
В небе плещется хор стоголосый.
В два больших золотых колеса
На висках уложила ты косы.

Красоту твою радостно петь,
Внемля в небе крылатым ударам.
Птицей тонкой, готовой лететь,
Ты к воздушным прислушалась чарам.

Вот идешь ты, стройна и тонка.
В сердце плещется хор стоголосый.
Будто два златоструйных венка
На висках улеглись твои косы.

<1911> 8 июля, Щербинка

Моя душа

Ю. П. Анисимову

Напрасно ждет любви душа моя слепая:

Темно и холодно в надменном далеке.
Одна бредет она пустыней, чуть ступая,
С венком в руке.

Душа-страдалица, несчастная богиня,
В суровой красоте изодранных одежд,
Пусть мрак туманит взор, пусть холодна пустыня:
Ты не утратила надежд.

Ты увенчать весь мир венком своим готова,
Предчувствуя вдали любви последний миг,
И, кажется, вот-вот зажжется счастьем снова
Усталый лик.

Ах, для обманутых блаженный путь неведом!
Ослепшая от слез, ты ищешь светлый след,
А жизнь ведет тебя глухим и темным следом.
Где ж свет?

И мощная любовь, как дева грозовая,
Проносится, блеснув на дальнем маяке, —
Над бедною душой, что никнет, изнывая,
С венком в руке.

<1911> 13 ноября, Москва

«Справа лес, седой и дикий...»

Справа лес, седой и дикий,
Тонет в вечере огнистом.
Слева месяц полноликий
Поднялся на небе чистом.
На закате золотистом
Мчится ветер с легким свистом,
Он к реке летит великой.

Под дыханием струистым
Потемнев, сугробы стынут.
Ночь в сиянии лучистом.
Синий месяц опрокинут.
Скоро ль дни разлуки минут?
Всё тоскую я, покинут,
По кудрям твоим душистым.

<1911> 22 декабря, Нижний

Из книги «Косые лучи»

Любовь

Благоговейно любимой тени А. А. Фета

I

*Близкой души предо мною ясны все изгибы.
Видишь, как были – и видишь, как быть бы могли
бы.*

А. Фет

В степи под Курском ветер прихотливый
На легких крыльях мчится вдоль межи,
Волнуя золотые переливы
Пшеницы, проса и шумящей ржи.
В садах темнеют вишни, рдеют сливы.
Нырять, с визгом падают стрижи.
В ложбинах свищут косы, и далече
Разносится медовый запах гречи.

Господский дом на берегу реки.

Столетние дубы в аллеях парка.
К реке ползут, пестрея, цветники
Душистых роз. Ветвей живая арка
Сплелась внизу, где плачут кулики
И выются с криком цапли. Здесь не жарко.
Здесь дремлет воздух, цветом липы пьян,
Щебечут птицы и поет фонтан.

Дневной рубин давно блеснул алмазом,
И, задымаясь, исчезла тень кустов.
Хозяин на балконе. Нынче разом
Он перевел четыреста стихов;
С одышкой, щурясь воспаленным глазом,
Сложил словарь, собрал тетрадь листов
И, утомясь от пристальных занятий,
Встал в парусиновом своем халате.

Гримасой морща ястребиный нос
И бороду белеющую глядя,
В большой бинокль он смотрит на покос,
Бормочет про себя и слышит, глядя,
И сена дух, и сладкий запах роз.
Но вот несут тарелки Петр и Надя,
И на конце накрытого стола
Уже хозяйка место заняла.

Старик обломком был времен суровых,
Той невозвратно схлынувшей волны
Понятий здравых и людей здоровых,

Что, воспитавшись в нравах старины,
Обычаев не жаловали новых.
Среди глубокой сельской тишины,
Поклонник верный музы и природы,
Он думал, жил и чувствовал – вне моды.

.....

На старости спокоен и богат,
Ловил он дни, не веря в остальное,
И созерцал бездумно свой закат.
Но, жизнь ведя в задумчивом покое,
Он праздности невольной не был рад.
Найдя себе занятие живое,
Землевладелец, камергер Двора
Не покидал ни книги, ни пера.

И вновь склонился он над Марциалом.
Меж тем багряный опустился круг.
«Клубятся тучи, млея в блеске алом».
Гул табуна вдали пронесся вдруг.
Восходит ночь с росистым покрывалом.
Но девственные пальцы белых рук
Всё по бумаге бегают проворно
И при свечах огромен профиль черный.

Померкнул парк. Последний отблеск дня
Озолотил закат стеклом горячим,
И призраки вечернего огня

Плывут, темнея, по багряным тучам.
Спокойно всё. Один фонтан, звеня,
Тревожит ночь лобзанием певучим,
Да под навесом стихнувших ветвей
Еще последний щелкнул соловей.

II

*За вздохом утренним мороза
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день бысролетный сентября.*

А. Фет

Далёко к северу, в глуши уездной,
Помещица, покинувшая свет,
В деревне век тянула бесполезный.
У ней был сын одиннадцати лет.
Мечтатель бледный, часто ночью звездной
Он вспоминал страну, которой нет,
И с первых детских лет единым хлебом
Жить не умел. Его крестили Глебом.

Задумчив, вял и странно молчалив,
Он не являл особенных загадок.
Порою мальчик был и шаловлив,

И надоедлив, и на сласти падох.
Любил он лес, купанье, чернослив,
Субботный звон и тихий свет лампадок,
И музыки божественная ложь
Роняла в душу Глеба пыл и дрожь.

И разом жизнь переменялась эта.
Едва сентябрьский солнца поворот
Привел с собой на осень бабье лето
И потускнел топазный небосвод,
Едва в одежды пурпурного цвета
Оделся сад, цветник и огород,
В деревню жить приехала кузина,
Хорошенькая институтка Зина.

Окончив курс, она не знала, где б
Найти себе достойного супруга.
И всё скучала. Но ребенок Глеб
Ей не годился даже в роли «друга».
К тому же был он странен и нелеп:
Как посреди пылающего круга
Сожжёнью обреченный скорпион,
Он вдруг затосковал. Он был влюблен.

Когда перед обедом, напевая,
Кузина выходила на балкон,
Ломала корку хлеба и, зевая,
Смотрела вдаль, – краснел и мялся он.
По вечерам, при лампе, вышивая,

Болтала с теткой. А со всех сторон
Шептали Глебу тени, что отныне
И жизнь его и счастье только в Зине.

Он похудел, стал поздно засыпать.
Лица его менялось выраженье.
Казалось, мальчик силился понять
Души немой могучие движенья
И не умел. Но раз, идя гулять
С кузиной и следя листов круженье,
Под жгучие напевы поздних ос,
Он замер вдруг со взором, полным слез.

В тот самый час под гомон птичьих споров
И трубный клик пролетных журавлей,
В обычный час хозяйственных дозоров
Старик гулял в тени своих аллей.
«В крови золотиственных уборов»
Дрожали липы пятнами огней.
Старик в пальто и с записною книжкой
Шел по аллее медленно, с одышкой.

И повстречал он розу. На кусте
Последняя, она дышала жадно,
Покорная единственной мечте:
Не отцветая, увянуть безотрадно.
Но в вечной и мгновенной красоте,
Лелея в чистом сердце вздох прохладный
И умоляюще раскрыв уста,

Она была прекрасна и чиста.

Во взоре старческом слеза кипела,
Уста шептали, и томилась грудь.
О счастии нетленном сердце пело
И звало жизнь к бессмертию прильнуть.
Над миром дуновенье пролетело
И озарило тот и этот путь.
Исчезло всё, и было сердцу ясно,
Что смерть блаженна и любовь прекрасна.

А там, далёко, мальчик в буйстве грез,
В мечтах любви без слов и без ответа,
Почуял сладость тех же светлых слез,
И в первый раз познал восторг поэта.
Единый миг в единый вздох вознес
Страсть отрока и вдохновенье Фета.
И девушка, и роза в этот миг
Являли красоты единый лик.

Июль 1910. Шава

Самовар. Стихи 1913 г

*У меня ли не жизнь? Чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе
И трещит моя печь, озаряя в угле
За цветной занавеской кровать!*

Полонский

Издателю А. М. Кожебаткину

Я стихотворству, ты изданию
От юных лет обречены.
Мы *водохлебы*, по преданию
Нижегородской старины.
Струями волжской Ипокрены
Вспоили щедро нас Камены
И Мусажета водомет.
Теперь фонтан его поет
В лугах лазурной Альционы.
Заветы Пушкина храня,
Ты отблеск чтишь его огня
И красоты его законы;
За то тебе несу я в дар
Мой одинокий самовар.

Предисловие

Самовар в нашей жизни, бессознательно для нас самих, огромное занимает место. Как явление чисто русское, он вне понимания иностранцев. Русскому человеку в гуле и шепоте самовара чудятся с детства знакомые голоса: вздохи весеннего ветра, родимые песни матери, веселый призывный свист деревенской выюги. Этих голосов в городском европейском кафе не слышно.

Человек, обладающий самоваром, уже не одинок. Ему есть с кем разделить время, от кого услышать добрый совет, близ кого отогреться сердцем. Двое собеседников в сообществе самовара теплей сближаются, понимают нежней друг друга. Целомудренная женщина подле самовара сразу овевается поэзией подлинного уюта и женственной чистоты. Сельскому жителю самовар несет возвышенный *эллинский* хмель, которого одичалый горожанин уже почти не знает.

И, конечно, не *чай* в собственном смысле рождает в нас вдохновенье; необходим тут именно самовар, медный, тульский, из которого пили отец и прадед; оттого скаредный буфетный подстаканник с кружком лимона так безотрадно-уныл и враждебен сердцу. Самовар живое разумное существо, одаренное волей; не отсюда ли явилась примета, что вой самовара неминуемо предсказывает беду?

Но всё это понятно лишь тем, кто сквозь преходящую оболочку внешних явлений умеет ощутить в себе вечное и иное. Потребно иметь в душе присутствие особой, так сказать, *самоварной мистики*, без которой сам по себе самовар, как таковой, окажется лишь металлическим сосудом определенной формы, способным, при нагревании его посредством горячих углей, доставить известное количество кипятку.

Б.С.

31 декабря 1913 г.

Владыкино

«Страшно жить без самовара...»

Страшно жить без самовара:
Жизнь пустая беспредельна,
Мир колышется бесцельно,
На душе тоска и мара.

Оставляю без сознания
Бред любви и книжный ворох,
Слыша скатерти шуршанье,
Самовара воркованье,
Чаю всыпанного шорох.

Если б кончить с жизнью тяжкой
У родного самовара,

За фарфоровую чашкой,
Тихой смертью от угара!

Родительский самовар

Родился я в уездном городке.
Колокола вечерние гудели,
И ветер пел о бреде и тоске
В последний день на Масляной неделе.

Беспомощно и резко я кричал,
Водю теплой на весу обмытый,
Потом затих; лишь самовар журчал
У деревянного корыта.

Родился я в одиннадцатый день,
Как вещий Достоевский был схоронен.
В те времена над Русью встала тень
И был посев кровавый ей взборонен.

В те времена тяжелый гул стонал,
Клубились слухи смутные в столице,
И на Екатерининский канал
Уже готовились идти убийцы.

Должно быть, он, февральский этот зов,
Мне колыбель качнул крылом угрюмым,

Что отзвуки его на грани снов
Слились навеки с самоварным шумом.

Как уходящих ратей барабан,
Всё тише бьют меня мои мгновенья,
Но явственно сквозь вечный их туман
Предвечное мне слышится шипенье.

Всё так же мне о бытии пустом
Оно поет, а вещей Достоевский
Всё так же, руки уложив крестом,
Спит на кладбище Александр-Невском.

Студенческий самовар

Чужой и милый! Ты кипел недолго,
Из бака налитый слугою номерным,
Но я любил тебя как бы из чувства долга,
И ты мне сделался родным.

Вздыхали фонари на розовом Арбате,
Дымился древний звон, и гулкая метель
Напоминала мне о роковой утрате;
Ждала холодная постель.

С тобой дружил узор на ледяном окошке,
И как-то шли к тебе старинные часы,

Варенье из дому и в радужной обложке
Новорожденные «Весы».

Ты вызывал стихи, и странные рыдания,
Неразрешенные, вскипали невзначай,
Но остывала грудь в напрасном ожиданье,
Как остывал в стакане чай.

Те дни изношены, как синяя фуражка,
Но всё еще поет в окне моем метель,
По-прежнему я жду; как прежде, сердцу тяжело
И холодна моя постель.

Самовар в Москве

Люблю я вечером, как смолкнет говор птичий,
Порою майскою под монастырь Девичий
Отправиться и там, вдоль смертного пути,
Жилища вечные неслышно обойти.

Вблизи монастыря есть домик трех-оконный,
Где старый холостяк, в прошедшее влюбленный,
Иконы древние развесил на стенах,
Где прячутся бюро старинные в углах.
Среди вещей и книг, разбросанных не втуне,
Чернеются холсты Егорова и Бруни,
Там столик мраморный, там люстра, там комод.

Бывало, самовар с вечерен запоем
И начинаются за чашкой разговоры
Про годы прежние, про древние уборы,
О благолепии и редкости икон,
О славе родины, промчавшейся, как сон,
О дивном Пушкине, о грозном Николае.

В курантах часовых, в трещотках, в дальнем лае
Мерещится тогда дыханье старины
И воскрешает всё, чем комнаты полны.
В картинах, в грудах книг шевелятся их души.
Вот маска Гоголя насторожила уши,
Вот ожил на стене Кипренского портрет,
Нахмурился Толстой и улыбнулся Фет.

И сладостно ловить над пылью кабинетной
Былого тайный вздох и отзвук незаметный.

Самовар в Петербурге

О, Петербург, о, город чародейный!
Я полюбил тебя, фантом туманный,
Огни витрин и окон блеск обманный,
И сырость вод, и Невский, и Литейный.
С тобой, обманщик призрачный и странный,
Я полюбил уют мой бессемейный.

Здесь чувствуешь себя нечеловеком,
Здесь явь как сон, действительность как сказка,
И вот уж не лицо на мне, а маска,
И всем я равен, принцам и калекам,
И льнет беспечность легкая, как ласка,
Как поцелуй, к моим тяжелым векам.

Здесь после дня, прошедшего без меты,
Как на экране кинемо-театра,
Развинченной походкой па-де-катра
Бреду по Невскому, купив газеты,
С коробкой карамели «Клеопатра»,
И сладки мне душистые конфеты.

А дома самовар из красной меди,
С соленым маслом, с маковой подковкой.
Быть может, гостя с римскою головкой,
Холодная и строгая, как леди?
Нет никого. Вздыхаю над «Биржевкой»,
Томлюсь в вечернем петербургском бреде.

В санатории

Седых ветвей подборы,
Сорочьих лап узоры
На голубом снегу

В тиши чужой деревни,
Как в келье инок древний,
Я сердце берегу

Гуляю по дороге
Без дум и без тревоги.
Указан срок минут.
И тяжкий отдых сладок.
Без мыслей, без загадок
Пустые дни идут.

За мной дымятся трубы.
Там город, черный латник,
Грозит земле родной,
Там оскверняет губы
Красавице развратник
В постели площадной.

Вернувшись в дом постылый,
Гость, чуждый и немилый,
В окне зари пожар
Слежу я равнодушно,
И никелевый скучный
Не дышит самовар.

Но визг стрелы, сурово
Пропевшей об отмщенье,
Не трогает судьбу:
Развратник ищет снова

Ночного приключения,
Красавица – в гробу.

Умной женщине

Не говори мне о Шекспире.
Я верю: у тебя талант,
И ты на умственном турнире
Искуснее самой Жорж Занд.

Но красотой родной и новой
Передо мной ты расцвела,
Когда остались мы в столовой
Вдвоем у чайного стола.

И в первый раз за самоваром
Тебя узнал и понял я.
Как в чайник длительным ударом
Звенела и лилась струя!

С какою лаской бестревожной
Ты поворачивала кран,
С какой улыбкой осторожной
Передавала мне стакан!

От нежных плеч, от милой шеи
Дышало счастьем и теплом:

Над ними ангел, тихо рея,
Влюбленным трепетал крылом.

О, если б, покоровшись чарам,
Забыв о книгах невзначай,
Ты здесь, за этим самоваром,
Мне вечно наливала чай!

Монастырские мечты

Когда засеребрится
Туманом борода
И в вечность загорится
Предсмертная звезда,
Тогда зарей вечерней
В душе всплывает Бог
И дышится размерней
Под колокольный вздох.

О, тихая обитель!
О, звон монастыря!
Веди меня, Хранитель,
К ступеням алтаря!
Там будет жизнь легка мне,
Где благовест дрожит,
И гробовые камни
Ограда сторожит.

Сойду ли в лес, что вырос
Над городом гробов,
Взойду ль на синий клирос
В стенании псалмов,
Свечу ль пред Чудотворной
Дрожащую зажгу,
Я, грустный и покорный,
Молиться не могу.

Когда ж часы-кукушка
Пробьют восьмой удар
И принесет мне служба
Шумящий самовар,
Присев к родному чаю,
Молитву сотворю
И сердцем повстречаю
Бессмертную зарю.

Тогда в тиши счастливой,
Под схиною росы,
В молитве торопливо
Задвигнутся часы,
И будет ночь легка мне,
Пока белеет ширь
И задевает камни
Крылами нетопырь.

Новогодний самовар

В мире сказочного гула
Пара мерные струи.
Льдом зеркальным затянуло
Окна синие мои.

Чай с вареньем пьется сладко,
Книга ровно шелестит.
Не заправлена лампадка:
Богородица простит.

Вижу: лапы белых елей
Кротко смотрятся в окно,
За окном былых метелей
Серебрится полотно.

Стихло сердце. Только горы
Голубого хрустала
Рядит в звездные узоры
Отрешенная земля.

Я забылся, я спокоен.
Всё узоры, гул и пар.
В Новый Год, как отрок строен,
Закипай, мой самовар!

Разочарование

Полдневный зной настал. Дорога нелегка.
Несу с усилием слабеющее тело,
Как будто голову мне давят облака,
Как будто подо мной земля отяготела.

По листьям золотым отцветшая весна
К долине сумрачной низводит путь отлогий.
Иду, и ни любовь, ни радости вина
Не озаряют дум божественной тревогой.

Любить? Но женщины ничтожны, как цветы,
А наслаждение напрасной длится мукой:
В чужих объятиях мгновения пусты,
Взлелеянные холодом и скукой.

На книги ли взгляну: как скучные пески,
Пыль библиотеки, иссохшее болото,
Где мысли старые кричат, как кулики,
Но валится ружье и тяжела охота.

Перегорев душой, я время провожу
В уютной праздности; ни весел, ни печален,
В пустыне легких дней, как ветер, я брожу,
Стучась под окнами чужих счастливых спален.

Мой идеал покой. О, если б я встречал
Все ночи в комнате, лазоревой и мирной,
Где б вечно на столе томился и журчал
На львиных лапках самовар амбирный!

Полдень 1905-1914

Природа

На мельнице

1. «Лесная мельница меня...»

Лесная мельница меня
Встречает говором колесным
И манит в бор, к рассвету дня,
К золото-синим душным соснам.

Дышу в глубокой тишине.
Пусть быстролетно время мчалось,
Мой детский сон кивает мне:
Здесь всё по-прежнему осталось.

И через двадцать долгих лет,
Как через два коротких года,
Здесь те же птицы, и рассвет,
И та же вечная природа.

Всё те же отклики в лугах,

Всё те же ветхие строенья,
И речка в тех же берегах
Смыкает блещущие звенья.

2. «Возле мельничной запруды...»

Возле мельничной запруды
Воды пенятся грядами.
Две закинутые уды
Заплясали поплавками.

Камышей далеких чащи,
Ожидающая лодка,
Над водой полет дрожащий
Голубого зимородка.

Жизнь без мыслей, без стремленья.
Наслажденье без сознанья,
Созерцанье, вдохновенье,
Вдохновенье, созерцанье.

3. «Когда застынут берега...»

Когда застынут берега
И месяц встанет величавый,
Иду в туманные луга,

Где никнут млеющие травы,

Где бродят трепетные сны,
Мелькают призрачные лики,
И там, в сиянии луны,
Внимаю сов ночные крики.

Понятны мне мечты лугов:
Они со мной тоскою схожи.
О, взор луны! О, крики сов!
О, ночь, исполненная дрожи!

1905 <6 июля. Пятницкая мельница>

«Эта тишь, этот ясный закат...»

Эта тишь, этот ясный закат,
Комариный прерывистый писк.
Погляжу, обернувшись назад,
На серебряный месячный диск.

И пойду по тропе меж овса.
Грудь восторженным счастьем полна.
Впереди задышали леса,
А кругом тишина, тишина.

Вот я крикнул и снова иду.
Летним медом дымитесь трава,

Но ответного зова я жду,
И на крик отвечает сова.

1905 <3 июня. Щербинка>

Сова

Есть особый пряный запах
В лунном оклике совы,
В сонных крыльях, в мягких лапах,
В буро-серых пестрых крапах,
В позе вещей головы.

Ночи верная подруга,
Я люблю тебя, сова.
В грустных криках запах луга,
Вздохи счастья, голос друга,
Скорбной вечности слова.

1905 <15 сентября. Москва>

«Печальная сова...»

Печальная сова,
Одинокая сова
Плачет в башне над могилой
В час вечерний, в час унылый,

В час, когда растет трава.

Ослепшие цветы,
Помертвелые цветы
Дышат грустью погребальной
В час вечерний, в час печальный,
В час грядущей темноты.

Безумные слова,
Несказанные слова
Рвутся из груди холодной
В час вечерний, в час бесплодный,
В час, когда кричит сова.

1906 <31 августа. Москва>

Сове

Кто сквозь шторы и затворы
Мне в лицо кидает взоры,
Водит яркий желтый глаз?
Кто мне сердце криком точит
И рыдает, и хохочет
В голубой полночный час?

Ты, лесная чародейка,
Вдохновенная злодейка,
Дева-хищница, сова.

Отчего, какою силой,
Слыша оклик твой унылый,
Всколыхнулась мурава?

Отчего шумит дубрава,
И налево и направо
Побежали облака?
Отчего под кручей горной
Опрозрачнел омут черный
И утихнула река?

Близко время, всё готово.
Ждать условленного слова
Притаился мрак живой,
И в удольях ночи тайной,
Необычный, неслучайный,
Раздается голос твой.

Подожди, ночная жрица!
Вместе, вещая царица,
Будем плакать при луне:
В этот час неосторожный
Смертью сладкой и тревожной
Суждено погибнуть мне.

«На заре охотник, опьянен лугами...»

На заре охотник, опьянен лугами,
Дышит изумленно вечером багряным,
Восхищенный, вскрикнет вместе с журавлями
И опять упьется травным океаном.

Входит, очарован, в сумрак перелеска.
Под ногой чуть слышно всхлипнуло болотце.
Медленно спустилась с неба занавеска.
Небо черплет звезды будто из колодца.

Поползли обрывки синего тумана,
Сбоку сыч пронесся медленно и косо.
Замерли громады облачного стана,
Лишь бадьи всемирной вертятся колеса.

Дали просияли звездной паутиной:
Кружево алмазов в почерневшем небе.
Опьянен охотник вечною картиной,
Позабыл о людях, позабыл о хлебе.

1905 <18 июля. Щербинка>

На рассвете

Сплю и слышу сквозь сон комариное пенье,
Вздохи трав, петухов отдаленные крики.
Всё летят и летят за мгновеньем мгновенья.
Кажут памяти сонной забытые лики.

С воспаленной подушки лицо подымая,
Вижу в розовых окнах дыханье рассвета:
Догорела заря серебристого мая,
Разгорается утро огнистого лета.

Зажигают его золотистые зори,
Зазывают его соловьи да кукушки,
И лугов голубое, лиловое море
Полусонного манит с горячей подушки.

1906 <21 мая. Щербинка>

«Запестрели морем точки...»

Запестрели морем точки:
Золотой багряный луг.
В каждой травке и цветочке
Мне смеется старый друг.

Утопаю! Нежат тело
Душно-влажные ковры.
Пляшут тучей опьянелой
Над закатом комары.

Я как дома в этой сказке,
В этом мареве лугов,
В этой пьяной звонкой пляске
Жизнь поющих комаров.

Здесь я в прошлое поверю,
Настоящее пойму
И грядущую потерю
Без роптания приму.

От прогалин дышат росы.
Снова кончилась весна.
Безответные вопросы
Задаёт, круглясь, луна.

1907 <12 июня. Щербинка>

Июньский закат

1. «Июньский закат преисполнен блаженным покоем...»

Июньский закат преисполнен блаженным покоем.
В нём чудятся шепот свиданья и вздохи разлуки.
Колышется зарево; словно вожди перед боем
К последней мечте простирают багряные руки.

Пылают и рдеют, потупясь, стыдливые зори.
Румянец их кроток, их робкие вздохи безмолвны.
Колышется зарево; словно в пурпурное море,
Подняв паруса, устремляются алые челны.

Мечты заревые нежней, их роптанье печальней.
С трещаньем стрекоз снизошли благодатные росы.
Колышется зарево; словно, склонясь над купальной,
Багряная дева струит золотистые косы.

2. «После полдня золотого...»

После полдня золотого
Солнце ждет на полусклоне,
Небо, жемчуг ясно-бледный,
Утомленно замирает.
Сквозь жемчужные покровы
Проступает щит пурпурный.
Воздух звонок, в этом звоне
Дышит солнцу гимн победный.

Красный щит спустился ниже.
Склон небесный розовеет,
Льется ласковым багрянцем,
Манит сердце к вечной дали.
Реют мошки легким танцем.

Провизжав, стрижи упали
И рассыпались над речкой.
И темнеет и свежееет.
На рубиновом закате
Только красное колечко.

Где я? В царстве снов и сказок.
Шелест лодки по купавам.
Речку ивы обступили.
Стаи уток, блеск заката.
Весла шлепают по травам,
Рвут круги болотных лилий.
Встали призраки ночные.
Тишиной земля объята.
Небо крылья осенили.

1906 <17 июня. Щербинка>

Идиллия

Уж тянулись обозы со скрипами
И пылили с бляньем овечки.
А она всё стояла под липами
И вертела на пальцах колечки.

Нагибаясь, рвала колокольчики,
Темно-синий веночек заплетала,
Целовала заветные кольчики,

Имя тайное сладко шептала

И смотрела далёко, далёко...
Опускалась ночная завеса.
С речки песни неслись одиноко
До верхушек зубчатого леса.

Шныряли летучие мыши,
Зарю исчертили зигзагами,
А песня дышала всё тише,
Дымился туман над оврагами.

Стоит она, вертит колечки,
Мерцает рассеянным взглядом.
Затихла песня на речке,
Звезда замигала над садом.

1905 (1909)

Июль

Смолк соловей, отцвел жасмин.
Темнеет вечер всё заметней.
В глуши разросшихся куртин
Застрекотал кузнечик летний.

Что день, то громче он поет,
Как будто песней время мерит.

Ему ответно сердце бьет
И снова счастьем верит, верит.

В кустах, куда ни погляжу,
Чернеет глянец спелых вишен.
Весь день по саду я брожу
И всюду мне кузнечик слышен.

1911 <30 июля. Щербинка>

Бабочка

От жары смеется солнце.
Распестрилося оконце,
Накалилась лавочка.
Мы в сторожке не скучаем:
Хороша клубника с чаем.
Но смотри: над молочаем
Сахарная бабочка.

Вьется, плавает, трепещет.
Солнце жжется, солнце блещет.
Дай твою булабочку.
Солнце радуется маю.
Тихо шляпу подымаю.
Я сейчас тебя поймаю,
Сахарную бабочку.

Ах, с репейника на кашки,
От черемухи к ромашке,
В куст, где свищет славочка,
Где крестовик сеть мотает,
Ах, всё выше улетает
И в прозрачном небе тает
Сахарная бабочка.

1914

Лопух

Солнце бродит по забору,
Брызжет искрами в лопух,
Паутинного узору
Разлетался липкий пух.

Подступило бабье лето.
Видно, солнцу жаль лучей.
Звуки флейты и кларнета
В дальних жалобах грачей.

Больно колетса шиповник.
Гроздья алые рябин
Наклонили на крыжовник
За рубинами рубин.

Лишь у темного амбара

Ярко зелен мой лопух,
И на нем сияет пара
Изумрудных шпанских мух.

1911

Август

Серый, украдкой вздыхая,
Август сошел на поля.
Радостно ждет, отдыхая
В пышном уборе, земля.

Август суровый и хмурый,
Неумолимый старик,
Приподымает понурый
И отуманенный лик.

Вот он, угрюмый и дикий,
Медленно в город несет
Кузов с румяной брусникой,
Меду янтарного сот.

Яблоки рвет молчаливо,
Свозит снопы на гумно.
Слышишь, как он терпеливо
В наше стучится окно.

Хворост, согнувшись, волочит,
К печке садится, кряхтя.
Что он такое бормочет?
Не разберу я, дитя.

Дай мне холодную руку,
Дай согреть у огня.
Август сулит нам разлуку.
Ты не забудешь меня?

1911 <7 августа. Щербинка>

Дуб

<Князю А. В. Звенигородскому>

Наряд осенней рощи светел.
Вороний крик зловеще-груб.
Я рад: опять тебя я встретил,
Задумчиво склоненный дуб.

Ползет и низится долина,
Зияет и грозит овраг
И дерзко к трону властелина
Предательский заносит шаг.

Владыка, удрученный днями!
Ты помнишь ли былой простор,

Когда над вещими холмами
Впервые ветви ты простер?

Гнезда орлиного хранитель!
Всё чаще, мчась из-за реки,
Твою спокойную обитель
Тревожат хищные гудки.

Всё ближе фабрик жадный рокот,
В нем тишь лесная умерла,
Он заглушает гордый клекот
Победоносного орла.

1909 <2 сентября. Щербинка>

Полет сокола

Всего прекрасней сокола полет.
Я полюбил следить за ним часами,
Когда, дрожа и трепеща крылами,
На краткий миг он в воздухе замрет.

Горд красотой и вечно одинок,
Как молния, сверкающим изломом
Он мчится в горы, где ревет поток,
Где древний дуб поник, спаленный громом.

В изгибе крыл, в прямой стреле хвоста

Идея красоты; она проста:
В гармонии аккорда нет согласней.

Я красоту люблю в стихе, в цветах,
В наряде жен, в улыбках, в облаках,
Но сокола полет всего прекрасней.

1905 <1 июня. Щербинка>

Луне

Луна, моя луна! Который раз
Любуюсь я тобой в заветный час!
Но в эту ночь мы встретились с тобой
В стране чужой, прекрасной, но чужой.

Над усмирненным морем ты всплыла,
Его громада нежно замерла.
Неясный вздох чуть бродит в тишине,
То тихо, тихо льнет волна к волне.

Над этой гладью в темно-голубом
Бежит твой свет серебряным столбом
И золотит небесные края.
О, как прекрасна ты, луна моя!

1908

Море

Искры, сверкания, блески и блики.
Море то серое, то голубое.
Плачутся чаек призывные крики.
Брызжет соленая пена прибоя.
Вечные моря звучат поцелуи.

Вечно им внемлют у белых развалин
Узкие, темные, острые туи,
Внемлет им лавр, величаво-печален.

Резко цикады сон полдня тревожат.
Солнце пылает и жжет бесконечно.
Волны утесы горячие гложут,
Море с землею лобзается вечно.

1908 <17 июля. Ореанда>

«Над крутизной нависли глыбы...»

Над крутизной нависли глыбы.
Тропинка вьется на горе.
Под нею пруд: застыли рыбы
В его прозрачном серебре.

Холодный ключ бежит из дуба,
И нежно обвивает плющ
Скамью, изваянную грубо,
Среди лавровых темных куш.

Вверху, на солнечном просторе,
Беседка-башня замерла.
Там безграничный ропот моря
Приветствует полет орла.

Там солнце, пьяное от зноя,
Вращает в небе яркий круг,
А здесь лишь вечный шум прибоя
Да шелест ящериц вокруг.

Брожу. Смотрю. Нависли глыбы.
Скамью и дуб обвесил плющ.
Испуганно сверкнули рыбы,
Но тих навес зеленых куш.

Часы, как волны, идут мимо.
Шуршанье ящериц вокруг.
Полдневный сладкий воздух Крыма
Сжигает яркий солнца круг.

1908 <17 июля. Ореанда>

Морское купанье

Плывут лениво дни за днями.
И каждый день в урочный час,
Хрустя горячими камнями,
Я близко вижу, волны, вас.

Вот тот же дымчато-зеленый
Туманно-мглистых волн простор.
Как свеж и чист их вздох соленый,
Летающий к высям желтых гор!

Светло-зеленые громады,
Вспеняясь, рушатся у ног:
То от рыдающей Наяды
Седых Тритонов гонит бог.

И между них качаясь плавно
На белопенных бородах,
Я сам руки его державной
Широкий чувствую размах.

1908 <19 июля. Ореанда>

Любовь лебедя

С горы, увенчанной крестом,
Есть путь к развалинам забытым.
Вдоль белых стен, в саду густом,
Льнет дикий плющ к горячим плитам.

К пустым чертогам меж колонн
Ведут заросшие ступени.
Сияет праздный небосклон
В полуденной дремотной лени.

Цикада скрипнет под кустом
И смолкнет вновь в истоме летней,
И не шелохнется листом
Перед дворцом платан столетний.

За ним в тени плотина-мост.
Мерцают воды изумрудом.
Тревожно чокнул черный дрозд.
Вскружились бабочки над прудом.

Сюда резвиться над водой
В час утра, радостный и смелый,
Летал с подругой молодой
Прекрасный лебедь, лебедь белый.

То опускаясь, то паря,
Они вспеняли воды плеском.
Кипела за морем заря,
Горело море алым блеском.

И минул дням счастливым срок:
Не стало любящей подруги.
Прекрасный лебедь одинок
У синих волн, на знойном юге.

И неутешен верный друг:
Навеки чужд подругам новым,
Свершает дней печальный круг
Он в одиночестве суровом.

Но раз, когда восток вскипел
И в море брызнули рубины,
Прекрасный лебедь вдруг запел
В тоске предсмертной, лебединой.

И, взвившись шумно в небеса,
С последним криком помертвелый,
Раскинул крылья-паруса
Прекрасный лебедь, лебедь белый.

О лебедь, царственный певец,
Любовник смерти величавый,
Как мне завиден твой конец,
Сияющий бессмертной славой!

Как ты, хотел бы я забыть
Рассудка голос лицемерный,
Как ты, хотел бы я любить,

Прекрасный лебедь, лебедь верный!

1908 <20 июля. Ореанда>

Любовь

«В лугах, при колокольном звоне...»

<О. Г. Чубаровой>

В лугах, при колокольном звоне,
Я собирал весной цветы.
Шел город, празднуя иконе.
Сияли ризы и кресты.

Неся хоругви, шаг за шагом
Шел, колыхаясь, крестный ход,
Большой дорогой, над оврагом,
Под пенье двигался народ.

В руках цветы, – стоял я, глядя,
Шепча молитву про себя.
Вдруг конский топ, и близко сзади
Увидел я верхом тебя.

Промчалось ржанье звонко-звонко,
И хлыст, и бряканье колец.

Храпя, под смелой амазонкой
Горячий бился жеребец.

А ты, задумавшись, сидела
С рукой бесцельной на узде,
И помню: пристально глядела
Навстречу розовой звезде.

Вся жизнь мгновенно промелькнула.
Слились в распустье двух дорог
Покой молитвенного гула
И вихорь жизненных тревог.

Толкались мошки над оврагом.
Синея, гас зари огонь.
Я всё смотрел... Спокойным шагом
Шел тихо твой усталый конь.

1907 <19 марта. Москва>

«Месяц замер одиноко...

Месяц замер одиноко
Над застывшим морем ржи.
С поля видные далёко,
Мы гуляем вдоль межи.

Близок дом с заросшим садом,

С группой мраморных богинь.
Через мост идем мы рядом.
Ночь прозрачна, воздух синь.

Потянуло коноплею
С огородов и полей.
Рыхлой вспаханной землею
Мы проходим в тень аллеи.

Вот скамья. Потупясь, сели.
Неподвижна, как во сне,
Взор испуганной газели
Ты в лицо вперила мне.

Лунный сад, фигуры граций,
Мыслей бешеных клочки.
С треском падают с акаций
Пересохшие стручки.

1906 <23 июня. Тимошкино Казанской губ>

«Смотрю и слушаю вокруг...»

Смотрю и слушаю вокруг.
Сбежал в овраг. Вздыхаюсь бодро.
С березы свесился паук,
Полет стрижей пророчит ведро.

Где над провалами кусты
Взнеслись в огне зари последнем,
С лицом Весны мелькнула ты,
Зовя к вечерним синим бредням.

Орешник чертит небосвод,
Кривится в плясе недвижимом;
Сгорая, облако плывет
И тихо стонет синим дымом.

Жуков гуденье, мошек звон,
Весенних птиц ночные взмахи,
Все на меня со всех сторон.
Стою, дрожа в священном страхе.

И ты! Опять, повсюду ты!
Но явь слилась с дремотной бредней.
Лишь искривленные кусты
Чертят во мгле зигзаг последний.

1907 <31 мая. Щербинка>

«Яблонь белых, белых вишен...»

Яблонь белых, белых вишен
Распустились лепестки,
Жук вечерний в роще слышен.
Облака легки, легки.

Ветер ласковый приносит
Запах сосен и берез.
Сердце мук блаженных просит,
Сердце просит прежних грез.

Но порхая, вея, вея,
Ветер шепчет о другом:
Вижу дом, вдали аллея,
Садик липовый кругом.

В белом платье, на балконе,
Профиль тонкий наклоня,
В черных косах, как в короне,
Ты приветствуешь меня.

Вишни белые, черешни,
Белых яблонь аромат.
Цепенеет ветер вешний.
Облака летят, летят.

И мечты нездешней властью,
Как касатки, мчатся вдаль.
Неужели с новой страстью
В сердце борется печаль?

Неужели утомленный,
Задремавший наяву,
Я, послушный и влюбленный,

Снова жизнь к себе зову?

1907 <26 мая. Щербинка>

Свидание

Давно уж тронулся горящий шар с зенита,
И тени поползли и ожили в углах.
Плывет медовый звон торжественно и слито:
То в дальнем городе поют колокола.

Там, стрелки двигая на древнем циферблате,
С полудня шесть часов невидимо прошло.
Застыли облака на золотом закате,
И слаще полился напев колоколов.

Дубы багряные, дубы сторожевые
Внимают журавлей прощальный переклик.
Просторы сжатых нив, румяно-огневые,
Каймой лиловою туманы облегли.

Заветный час настал! Походкой шелестящей
По листьям розовым и желто-голубым,
Склонясь, идет она прозрачной светлой чащей.
Блаженно замерли багряные дубы.

1907

Письмо

<М.>

Флакон узорчатый духов любимых!
Граненый твой хрусталь под лентой пестрой
Напомнил мне о снах невозвратимых.
Твой нежный вздох, и сладостный и острый,
Вернул весенний запах дней любимых.

Твоим благоухала ароматом
Она в те дни, когда любовь всходила,
Когда, не омраченное закатом,
Впервые в жизни сердце полюбило
И задышало чистым ароматом.

Теперь опять над гробом, где истлела
Безумно оскверненная святыня,
Стон задрожал и роза заалела,
И вот восстала прежняя богиня
И запылало всё, что в сердце тлело.

О, милый вздох! Благоухай, как прежде,
Цветок любви, раскрывшийся в разлуке!
Твой аромат поет мне о надежде,
Зовет отдать мечту и душу в звуки
И воскрешает сны, что снились прежде.

1910 <1 февраля. Москва>

Заря

Цветов коснулась ты устами.
Вздохнули розы. Даль светла.
Прошелестела над листьями
Твоя багряная стрела.

В дремоте дрогнули лилеи,
Роняя сладкую печаль.
Дрожа от счастья, по аллее
Рассыпал лепестки миндаль.

Благоуханием поющим
С кадил небесных вьется дым,
Над миром любящим и ждущим
Волнуясь облаком седым.

Но, краем ризы тронув море,
Владеешь ты покорным днем,
Чтоб на лазоревом просторе
Расплавить золото огнем.

Всё чище даль. За лирой лира
Поет с воздушной высоты,
В сиянии любви и мира

Восходит солнце. Солнце – ты.

1910 <27 марта. Одесса>

«Царица желтых роз и золотистых пчел...»

<М. Д. Нефедьевой>

Царица желтых роз и золотистых пчел,
В лучах полуденных расцветшая под солнцем,
Струи медовых кос я сам тебе заплел,
Украшив их концы червонцем.

Вот подвели коня к высокому крыльцу.
Вступаешь медленно ты в стремя золотое.
Фата твоя блестит и льется по лицу,
Как желтое вино густое.

Поводья тронула горячая ладонь.
Ты мчишься. Далеко, под тканью золотистой,
Как будто розовый колышется огонь,
Как будто мед струится чистый.

1910 <24 декабря. Нижний Новгород>

«Люблю следить твой шарф волнистый...»

Люблю следить твой шарф волнистый,
Прозрачно-веющий, душистый,
Под нежно-сбивчивую речь
Порхающий с покатых плеч.

Люблю твой взор нетерпеливый,
То вдохновенный, то стыдливый.
Картавя милые слова,
Как нежный мальчик, ты резва.

Люблю руки твоей пожатье,
Твои духи, перчатки, платье,
Шуршанье строгое его
И даже мужа твоего.

1910 <26 декабря. Нижний Новгород>

«Всё не могу забыть твой взгляд...»

Всё не могу забыть твой взгляд,
Твой взгляд последний, взгляд прощальный,
Наивный, ласково-суровый.
На белой шее перлов ряд,
На черном платье шарф лиловый.
С тобой простился я печальный
И навсегда унес твой взгляд.

Я кудри целовал твои,

Золотопенистые волны,
И, опьяненный лихорадкой,
Склонялся в пышные струи.
Бродили тени над лампадкой,
Дрожали радостно-безмолвны
Широкие глаза твои.

По небу облака летят.
Кто гонит их нездешней силой?
Зачем твой жалобно-суровый,
Наивно-милый, детский взгляд
Пророчит мне о жизни новой?
Он здесь, мой вестник белокрылый,
И сны мои летят, летят.

1911

«Тебя я встретил в блеске бала...»

Тебя я встретил в блеске бала.
В калейдоскопе пошлых лиц
Лампадой трепетной мерцала
Живая тень твоих ресниц.

Из пышных перьев опахало,
В руках и на груди цветы.
Но взоры детские склоняла
Так робко и стыдливо ты.

Когда же бального потока
Запели волны, вальс струя,
Как близко вдруг и как далёко
С тобою очутился я!

Как две задумчивые птицы,
Кружили долго мы без слов.
Дрожали тонкие ресницы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.